

ЕВГЕНИЙ КАПУСТИН

О ВОЙНЕ И НЕ ТОЛЬКО

ВОСПОМИНАНИЯ МОИХ РОДНЫХ

Любовь Ивановна Капустина (в девичестве Трошкова) родилась в деревне Ваньково Тихвинского района Ленинградской области 4 сентября 1930 года. Николай Петрович Капустин родился в деревне Новинка в том же Тихвинском районе 19 декабря 1931 года. Детство их пришлось на годы военного лихолетья...

Рассказывает Любовь Ивановна:

Свёкор мой ещё в Германской войне (в Первой мировой) участвовал. Их часть стояла в Финляндии. Немцы всех захватили, угнали в Германию. Пять лет он провёл в плену. Его держали в холодном сарае. Отморозил пальцы ног — пришлось ампутировать. Спасла его немка-доярка: выкормила, отогрела.

Все уже думали, что он погиб, никто не ждал, что вернётся.

Однажды на Троицу свекровь собралась идти в соседнюю деревню на престольный праздник. Перед уходом наказала всем домашним: “Сегодня мой муж Пеша придёт. Сводите его в баню, дайте чистое бельё!” Все переглянулись, пожали плечами — решили, что тётя Феня из ума выжила. Но к обеду свёкор пришёл! Как она велела, его сводили в баню, дали переодеться в чистое бельё, и он отправился велед за супругой.

...Был в наших краях знаменитый разбойник Ланцов. Здоровенный, высокий. Страшный! Ловкий, и до чего сильный! Однажды в тюрьме руками разжал решётку и сбежал. В другой раз ушёл из камеры через дымоход.

КАПУСТИН Евгений Александрович родился в 1984 году. Окончил Санкт-Петербургский государственный морской технический университет. Поэт, прозаик, драматург, переводчик. Печатался в российских, украинских, сербских, немецких журналах. Автор сборника стихов “От времени к вечности” (2013).

Ланцов — личность заметная. Все боялись одного его имени. Все бандиты стремились подражать ему, учились у него. Про него даже песню сочинили. Народ знал эту песню, но теперь она забылась.

Всю округу в страхе держал со своей бандой. Грабили всех проезжающих и проходящих. Всё отбирали, у кого-то и одежду снимали. Иногда убивали. А оружие у них было — только ножи, колья да сильные руки.

Шёл на танцы парень в красивом костюме. Попался Ланцову — тот его убил, думал, что если в костюме, значит богатый. А у парня в карманах только три копейки оказалось. Ланцов потом сокрушался: “За три копейки человека убил! Всю жизнь жалеть буду!”

Девушка ехала с мужиками. У неё была кобыла ленивая: чтобы заставить её бежать, нужно было долго хлыстом работать. Ехали через лес, заметили разбойников. Мужики сразу усккали вперёд, а она пока хлестала кобылу, подошли разбойники с кольями. Один хотел лошадь по голове ударить, да промахнулся, попал девушке колом по бёдрам. Тут кобыла понесла и проскочила сквозь толпу бандитов. А когда выехала девушка из лесу, встретила своих спутников, они её тут ждали. Видели, что она отстала, но вернуться не рискнули.

Вёл мужик корову в город продавать. На дороге в лесу Ланцова и встретил, да не узнал — его не все знали в лицо. Разбойник спрашивает: “Куда путь держишь?” Мужик искренне отвечает: “На базар иду корову продавать, да Ланцова боюсь”. А Ланцов улыбнулся: “Не бойся, Ланцов тебя не тронет!” А действительно — зачем бандитам корова? Возиться с ней... Им деньги нужны!

Как-то молодая девушка Дуся одна бежала по дороге через лес. Бегом бежала, в жутком страхе перед Ланцовым. На него и наткнулась. Не узнала. Он и говорит: “Иди своей дорогой спокойно. А если попадёте тебе кто-то на пути — говори всем, что Ланцов тебя не тронул, и они тебя не тронут”. Дуся так и обмерла, поняв, что перед ней он сам. А когда пришла в себя — побежала дальше что есть духу, не останавливаясь.

Ланцов не обижал тех, кто ему приходился хоть в какой-то степени родней. В одной семье его даже иногда пускали ночевать. Кажется, там жила его сестра. Когда Ланцова последний раз арестовывали, он им сказал: “Если и теперь уйду из тюрьмы — отблагодарю, всю жизнь богаты будете!” Ходили слухи, что у него где-то зарыта целая яма с деньгами и драгоценностями. Но на сей раз знаменитый разбойник не вернулся. Говорят, в тюрьме его тайно убили и через заднюю дверь вынесли. Видимо, решили избавиться, не дожидаясь суда.

...Рассказывают, что некая девка была очень серьёзно больна, уже лежала при смерти. Отнесли её к бабке, которая заговаривала болезни. У той бабки жила змея. Змея залезла через рот в нутро к девке. Видно было, как змея извивалась в животе. Потом змея вылезла и вытащила болезнь. Девка выздоровела.

...Младенцам давали маковое молоко, чтобы лучше спали и не плакали. Тогда не знали, что такое наркотики...

...В соседней деревне — на Шижне — перед войной церковь разрушали. Всё убранство вытащили, купола сбили. Колокол сбросили — говорят, он так в землю и ушёл. В церкви потом лошадей держали, капусту солили, затем там располагался клуб.

Свои же мужики разрушали, помню фамилии — Петров, Кузнецов и другие... Все они погибли в войну, все до единого! Лишь Кузнецов вернулся с войны живым — зачух и вскоре скончался. Врачи не могли определить, что у него за болезнь. Просто угас на глазах.

Иконы из разрушенной церкви — большие, метра два на полтора — забрали к некоему Грише, в доме сделали из них перегородку и заклеили обоями. Тогда была мода вешать на стенах фотокарточки. В эту перегородку вбили гвозди и повесили фотографии в рамках. Гвозди сквозь обои вбили в глаза Богоматери — это потом узнали. Человек, который это делал, вскоре ослеп...

Однажды я ночевала в том доме, взрослых с нами не было, лишь старшая дочь хозяина Нюша. Как раз в ту ночь ей во сне явилась Богородица и велела: “Освободи меня, открой лица всем!” Нюша проснулась и разбудила нас. Мы набирали воды, отмачивали и снимали обои, вытаскивали гвозди. Потом позвали мужиков, те послушались нас, поместили иконы в рамки и установили их в комнате на почётное место.

Рассказывает Николай Петрович:

Брат мой Сергей — офицер, служил в пограничных войсках в Литве, в Лиенае. Пограничники приняли на себя первый удар фашистов, все там и сгинули. Утром 22 июня 1941-го Сергей из своего гарнизона позвонил Катерине, своей жене, жившей на съёмной квартире. Только и успел сказать несколько слов — сообщить, что начинается война, что нужно срочно эвакуироваться, что скоро отходит корабль... Внезапно связь прервалась. Что там произошло дальше — неизвестно... Тело Сергея не найдено, он числится пропавшим без вести. Есть предположение, что литовцы сами наших пограничников и убили.

Катерина сразу бросила всё и побежала на пристань, а там люди грузятся на корабль с вещами, даже мебель забирают — видимо, заранее знали, успели подготовиться. А она ничего не взяла, так, с маленькой сумочкой, и эвакуировалась.

Катерина была беременна. Из Литвы она приехала к нам в деревню, и у нас родила сына, назвали его так же — Сергеем.

Любовь Ивановна:

22 июня я была в гостях в соседнем селе — в Ладвушах. Приехал Яков Семёнов из сельсовета, сообщил о войне. Мы чаю попили — и бежать домой.

А у нас уже начали призывать мужиков и парней.

Мой дядя Вася-малый обучал новобранцев. Тренировал, как держать винтовку, как целиться. Учил ходить в строю, надевать противогазы, бросать гранаты.

Когда забирали брата Пешу, я чихнула. Он вернулся живым, получив ранение.

Муж моей крёстной, Саня, был председателем колхоза, его в армию не брали. Но через пару месяцев он сам запросился на фронт: “Я больше не останусь тут бабами руководить! Пойду воевать!”

Когда мы его провожали, все смотрели на меня, ждали, что я чихну. Не чихнула. Через неделю он погиб. Но об этом мы узнали только зимой, когда пришёл солдат, разыскал его жену и всё рассказал: Саня утонул на переправе, получив ранение в живот.

Николай Петрович:

Мы, мальчишки, бегали смотреть на строевые упражнения новобранцев, нам интересно было. Призывникам выдали охотничьи ружья. “Лечь!.. Встать!.. Целься!.. Коли!.. Бей прикладом!..” Удары отрабатывали на соломенных снопах. Мы всё повторяли за ними.

Немец рвался на Свирь — чтобы соединиться с финном и замкнуть второе кольцо блокады Ленинграда. Тогда городу было бы не выстоять! В октябре немцы заняли Тихвин и 60 дней его удерживали, пока наши их не выбили оттуда. В тот период линия фронта проходила в 50 км от нашей деревни. Ночью мы видели вдали зарево от боёв, от пожаров и взрывов.

Нас посылали рыть землянки в лесах — если бы враг придвинулся ближе, пришлось бы покинуть дома и уйти в партизаны.

Любовь Ивановна:

Когда фронт приблизился, нас хотели эвакуировать за реку Пашу, но когда немец сначала занял Тихвин, а потом продвинулся ещё на 12 км, наоборот, людей с Паши эвакуировали к нам. Помню, по деревне машины шли и шли... Раненых везли, очень много их было... Стон стоял... Машины с людьми открытые, а холод, мороз...

Николай Петрович:

Через наши деревни постоянно вывозили раненых, мимо ездили военные автомобили — “ЗИСы”, “полуторки”, “студебеккеры”. На краю деревни располагался медсанбат, здесь раненым делали перевязки и везли дальше в тыл. На дороге оборудовали КПИ, все машины проверяли, — возможно, отлавливали дезертиров.

Солдаты, курсанты шли через нас — отступали на Вологду. Шли беженцы из занятых врагом деревень. Они у нас меняли одежду на еду.

Наш дом — предпоследний от края деревни, после него 7 километров чистого поля до следующего жилья. Зима лютая, морозы под -40 . Мы избу и не закрывали — все шагали сплошным потоком, заходили к нам погреться и передохнуть перед дальнейшей дорогой.

Ночевали, в том числе, и в нашем доме — голодные, холодные. Много их было, все запасы съели. Спали вповалку на полу, головами на пороге, шагнуть некуда было.

Отец ночевал в сарае — корову охранял и присматривал, чтобы сено не загорелось от случайного окурка.

В деревне стояли конные обозы — телеги, сани, — в том числе и с оружием.

Однажды соседский парнишка где-то украл гранату. Похоже, это была лимонка — зелёная, круглая. Мы вдвоём с другим мальчишкой бегали за счастливым похитителем, просили показать находку. Он сначала похвастался, а потом не захотел делиться добычей — удирал от нас, в итоге забежал к себе в дом и закрылся. Мы долго ломались в запертую дверь, потом сообразили пойти посмотреть в окно. Только зашли за угол — шархнуло, стёкла вылетели...

Взрослых дома не было, и обладатель гранаты решил разобрать свою находку. Видимо, держал её на коленях — ему разворотило всё между ног, бедра и живот. Он умер в медсанбате.

А если бы мы сумели открыть дверь и попали бы в дом? Или успели бы влезть в окно?..

Любовь Ивановна:

Об авианалётах нас предупреждали — бегали по деревне: “Тушите свет! Закрывайте окошки! Самолёты летят!” Мы завешивали окна одеялами.

Свои и вражеские самолёты мы различали по звуку: немецкие гудели натужно, неравномерно, наши — более размеренно и плавно.

Однажды на поле сел подбитый советский самолёт. Постоял, отремонтировался и улетел. При взлёте поля ему не хватило, — въехал в рожь.

В деревне лошадей не осталось, всех забрали на войну.

Мы, дети, всё время работали. Например, палками молотили лён — тяжёлая работа! Женщины работали за мужиков, дети за женщин... От голода постоянно хотели спать. Ослабели, еле ноги переставляли, но работали.

Нам выдавали один мешок зерна в месяц — это десять килограммов. В некоторых семьях сразу всё мололи и съедали, а потом голодали. То ли не могли удержаться, то ли боялись, что украдут...

Весной откапывали мёрзлую сгнившую картошку. Её очень легко чистить — кожура сама отпадает, а внутри один крахмал. Из него на противнях пекли оладьи. В поле удавалось найти примерно одну картофелину на два метра земли. Всё у себя перекопали — потом в другие деревни ходили копать.

Питались мякиной: толкли в ступах и пекли лепёшки. Пока был запас ягод, ели мякину, толчённую с клюквой. Ели жмыхи из отрубей. В других семьях лебеду ели; от неё пухли. Ели жареный щавель с яйцом — от него тошнило. “Дудки” (снять) сушили, резали ножом и толкли в ступах или мололи на жерновах, потом пекли лепёшки. От них мучились сильными запорами.

Одна бабка в поле работала, полола картошку, не могла утерпеть, доставала мелкие, ещё незрелые картошины, и сразу ела их — сырые, зелёные, прямо с землёй. От этого и умерла, прямо в поле.

Когда косили — всё сено отдавали государству, а для себя по кустам вдоль дорог собирали сено, выпавшее из повозок. Из соломенных крыш доставали гнилую солому — давали корове. Голодная корова на ногах не стояла — её подвешивали к потолку, пропуская под животом длинный узкий ковёр-дорожку.

Мы держали корову, потому и выжили. Надо 300 литров молока сдать государству, остальное — себе. У кого коровы не было — те тоже выживали, но было гораздо тяжелее.

Умер в деревне только один человек — в семье Чуркиных, уже в августе, когда голод был не такой сильный, ягоды появились...

Бывало, военные у нас ночевали — делились сгущёнкой, тушёнкой.

Мы всю тёплую одежду — шубы, тулупы — променяли на хлеб. Потом мама даже полотенца выменяла. Когда несла их, у неё слёзы катились из глаз, от этого мама по дороге спотыкалась, падала и роняла свою ношу.

У нас был штабель брёвен, заготовленных для постройки нового дома. В войну всё пошло на дрова.

Николай Петрович:

Неподалёку, в Кайваксе, располагался наш аэродром, и над деревнями постоянно летали самолёты. Бомбардировщики летали строем в сопровождении истребителей — на Свирь, на финнов.

Один неисправный истребитель полсотни метров не дотянул до поля, врезался в деревья в осиннике. Самолёт развалился на три части, лётчик погиб. Мы, ребяташки, потом ходили на место аварии собирать патроны и детали. Кто-то принёс домой ткань от парашюта...

С зимы 1941-го по весну 1942-го в соседнем доме располагался штаб тыловых частей, а офицеры жили у нас. В дом провели телефон, и часто звонили в штаб фронта, в Чудово. Днём офицеры совещания устраивали, а ночами вышивали, песни пели под гармошку, слушали патефон. Я сидел на печи, видел, как они пили: в стакан на треть заливали крепкий чай, на две трети — водку. Это называлось “пунш”. Один офицер объяснял другому, молодому: “Так приятнее, мягче”.

Моя мать готовила им еду — американскую тушёнку, гречу или перловку с мясом в больших железных банках. И нам, детям, немного доставалось. Вкусные консервы! Офицеры рассуждали: “Всё-таки Америка помогает”.

Офицеры регулярно менялись, каждый месяц уезжали на фронт, на их место приезжали новые.

Во вторую и третью военные зимы в нашей деревне размещался спецотряд. Бойцы на лыжах, в маскхалатах, вооружённые карабинами с оптическими прицелами — невиданное дело! Они били лосей. Потом приезжали машины и забирали туши — мясо для фронта.

Любовь Ивановна:

9 мая 1945-го мы работали на реке, сплав гнали. Вдруг всех позвали в клуб, а там сообщили, что война закончилась. Рёв стоял, крик, вой, плач — от радости и от горя...

После войны к нам в дом прислали белорусов. Нам сколько-то денег начислили от лесопункта, чтобы мы о приезжих заботились. Много малышей, крошечные, все грязные, вшивые. Мы затопили баню, наподавали пару, собрали их всех в парилку, закрыли там и снаружи подпёрли дверь. Они с привычки орут, плачут, ломаются — а не выйти. В бане вши надуваются, красные делаются, толстые... У них все вши и вывелись!

В деревне был паренёк один — не то чтобы дурачок, но немного с придурью. Эти ребята стали его дразнить, водой поливать. Он не выдержал — схватил палку и погнался за ними. Они от него врасеяшную — кто в дом вбежал и дверь захлопнул, а кто в картошку сиганул, в ботве залёг. Потом они нам рассказывали: “Мы в бульбовнике прятались!” Так смешно их речь звучала!

Николай Петрович:

После войны вместо наших лошадей, отправленных на фронт, в колхоз прислали иностранных. Были монгольские лошадки — маленькие, но выносливые. Они панически боялись леса — не привыкли, ведь в Монголии голая степь. Едут через лес — дёргают ушами, нервничают, от каждого шороха шарахаются. Если их оставить без присмотра — сбегут.

Были шведские кони — огромные, сильные. И цивилизованные! Едят только из кормушки, сами пастись не умеют.

Любовь Ивановна:

Пригнали к нам скот из Германии. Лошади все больные, в лишаях. Мы их лечили.

Мы работали все, от мала до велика. По утрам по деревне ходила женщина и будила народ на работу — стучала палкой по подоконникам и громко пела:

Вставай, дружки! Вставай, молодцы!

Вставай!

Каша сваривши, горох перепривши!

Вставай!

Каша на Паши, горох на Ояти!

Вставай!

Паша и Оять — это крупные реки на востоке области.

Мы пололи колхозные поля. Лягушек боялись до смерти! Особенно подруга Шурка: когда квакушки из грядок выскакивали, рёвом ревели, убегала! Но потом возвращалась — работать надо...

Жили весело, развлекались после работы. Был клуб, была изба-читальня, хотя в ней мы не читали, а плясали под гармошку, а мужики в домино играли. Бывало, весь день мы трудились — окучивали картошку, потом вечер и всю ночь гуляли, а поутру снова отправлялись в поля.

Мы работали, поэтому и жили неплохо. Нам завидовали, вредили. Например, однажды соседка нам картошку в погребе посолила (от этого появляется гниль). Пришлось заколотить окошка погреба, чтобы такое не повторялось. А та соседка потом как-то вывихнула челюсть. Пришлось ей с перекошенным лицом, с разинутым ртом ехать в город в больницу, там ей доктор кулаком врезал — и челюсть встала на место.

Николай Петрович:

После войны в деревнях воровства не было, в домах двери на замки не закрывали.

В 1947-м мы с другом ездили в Ленинград, сделали свои дела и всю ночь гуляли по городу. Ни хулиганства, ни бандитизма, бродили спокойно, бояться некого было.

Любовь Ивановна:

В 1951 году я ждала ребёнка. Тогда беременные до последнего дня работали, иногда рожали прямо в поле во время работы. Я бедовая была, всё делала по хозяйству. Беременная, ходила в Тихвин и обратно, — а это 60 километров! — и ничего страшного.

Дверь в нашу избу закрывалась изнутри железной накладкой. Я дома работала на втором этаже, и когда кто-то приходил, я, чтобы не спускаться по узкой крутой лестнице, дверь открывала ухватом, перегнувшись через перила. Однажды я потеряла равновесие, кувырнулась через перила и упала со второго этажа. Сильно ударилась об лестницу животом, потом головой об стену... До сих пор не понимаю, как это прошло без последствий для меня и для дочери?

Ещё, беременная, шла провожать Колю в армию. На косогоре поскользнулась, упала на спину и съехала по грязи с очень длинной и крутой горы.

Очевидцы говорили между собой: “До низа доедет и родит!” Ничего, тоже обошлось.

Рожала я дома, без врачей. Пришла после молотьбы, ночь промучилась и родила дочь. Кровь останавливали — холод прикладывали, внутренности мне застудили. Бабка же сама рожала, что ж она, не знала, как правильно кровь останавливать? Когда поняли, что случилось — хотели меня везти в город в больницу, да поняли, что не доеду, умру по дороге. Оставили дома. Ничего, выжила, как кошка! Только с тех пор печень застужена осталась.

Мой брат Пеша здоровунный был! Кровь с молоком! Подковы гнул! Мать доила корову, приносила парное молоко, наливала ему кувшин, Пеша садился на крыльцо, кувшин выпивал и цельную сахарную голову съедал.

Племянник Коля, сын Пешы, после войны служивший в Германии, рассказал историю: его сослуживец однажды заметил яблоно на чьём-то участке. Забор невысокий — он и залез яблок набрать... Его немцы схватили, живот разрезали и яблоками набили — “чтобы наелся!” Одно слово — фашисты.

Как-то раз я прихожу с работы, а у нас телёнка увели в колхоз. Свекровь рассказала, что к ней пришли, она не пускала, а они без спроса открыли стойло, взяли телёнка за хвост и за ухо и увели. Свекровь пошла в сельсовет жаловаться: “У меня один сын на войне погиб, другой в армии служит — верните телёнка!” А телёнка уже зарезали... В итоге она вытребовала деньги.

Был у нас один конь дурной, всегда идёт шагом, и никак не заставить его бежать. Хоть понукай его, хоть хлещи — всё бесполезно, идёт шагом и ни на что не реагирует. А вот с горы бежит галопом, и тут уже наоборот — никак его не остановить, ни “тпру”, ни хлыст не действуют. Больше всего я боялась свалиться с телеги — конь, разогнавшись под гору, не заметит, что я упала, и дальше побежит.

Была кобыла Майка. Она на всём скаку останавливается перед ямой — и седок летит через голову. Кстати, почему-то это всегда проходит без серьёзных последствий для людей.

Жеребец один был как дикий! Когда бесился — убегал, носился по деревне, а весь народ прятался по домам: “Опять жеребец Трошковых буянит!” Брат Пеша — сильный очень, смелый — однажды поймал его, намотал вожжи на руку; жеребец таскал его по всей деревне, топтал... всего затрепал, тот еле жив остался. А соседа Трошку на дороге насмерть затоптал. После этого от жеребца избавились.

Однажды конь пасся, и с травой проглотил змею. Словно взбесился! Бежал по деревне, как сумасшедший, все от него шарахались. Мужики с трудом поймали коня, повалили на землю, связали. Влили ему в рот сыворотки с табаком. Змея вышла.

А корова у нас была редкостная! Гнали слав, брёвна шли по реке, а река шириной 5–7 метров. Корова паслась, увидела красивый зелёный луг на другом берегу — и переплыла. Как?! Никто не знает. Плыла, уворачиваясь от брёвен? Или шла по дну пешком под ними? Обратное её с трудом перевезли на плоту. Бедовая была, буйная! Других коров бодала! Хозяева боялись вместе с ней своих бурёнок отпускать. Но когда начал нападать медведь — она других коров защищала, бросалась на медведя! Однажды он всё-таки ранил её, сломал позвоночник в трёх местах. Со сломанным позвоночником корова стоять не могла, ползала. Когда ей надо было по нужде — я сама её из стойла на улицу волокла, и обратно. Потом её выходили, вылечили!

Бык был дурной, всех бодал. Однажды меня на скотном дворе чуть до смерти не забодал! Я подпрыгнула, поймалась руками за балки под потолком и висела ногами вниз — он все ноги мне перебодал, до сих пор шрамы остались. Рядом маленькая Галя, доченька, сидела в санках за ящиками. Чудо, что сидела тихо, не выходила, а то бык её убил бы! Народу набежало — с вилами, с кольями, — могли бы быка отогнать, но все стояли в стороне, смотрели да охали. Я не выдержала, соскочила и побежала. Бык за мной! Я за стену юркнула и спряталась в шкаф. Бык не нашёл меня, выбежал со

скотного двора и направился в поля. Только через несколько дней его поймали и привели на место.

После войны у нас в окрестных лесах несметно хищного зверя развелось. В феврале-марте волки во дворы забирались, овец убивали, но не съедали, а только кровь выпивали. Такие лютые! Как-то раз парень провожал девушку в другую деревню. Неподалёку возникла стая волков. Парень посадил девушку на огромный стог сена, а сам побежал за помощью, за лошадьё. Вернулся — девушка съедена, волки её со стога стащили...

По соседству, в Каськово, на скотном дворе женщина допоздна задержалась, все уже ушли, одна осталась. Темно, ходит с керосиновым фонарём в руке. Слышит — за спиной кто-то шлёпает. Думает — мужики остались, кричит “кто тут?”, но не оборачивается. Вдруг сзади её кто-то обнял... Разозлилась она от такой наглости, фонарём назад отмахнулась... раздался рёв... обернулась — а это медведь! Голова его облита горящим керосином; катается по полу, ревёт, сучит лапами. Женщина выскочила на улицу, мужикам встречным про медведя сказала, а сама дальше бежит. Домой заскочила, только дверь открыла — и на пороге свалилась. Потом несколько дней говорить не могла — речь отнялась. А мужики медведя не нашли — ушёл в лес.

На Воздвижение — в сентябре — звери гуляют. Я на лесной поляне встретила 12 лосей — прямо так и вышли на меня! Но я стояла тихо, они меня не заметили, прошли мимо. А лесник в тот же день видел на речке 12 медведей; от них под мостом спрятался. Когда вернулся домой, жена спросила: “Что это у тебя на голове? Пепел?” А он посмотрел в зеркало — совсем седой стал!